

Представления о шведах и Швеции в польской культуре второй половины XVII в. (на основе шляхетских диариушей)

Научный руководитель – Борисёнок Юрий Аркадьевич

Фадеев Иван Валентинович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян, Москва, Россия

E-mail: ifadeyev@yandex.ru

До начала XVII в., в польской культуре не существовало четкого образа Шведского королевства и его уроженцев. В польской литературе XVI в. существовал общий образ Скандинавии как холодного и сурового региона, жители которого преимущественно исповедовали лютеранскую веру. Весьма репрезентативен один из образов польского поэта Миколая Рея — в своем итоговом сочинении «Зерцало» (1568 г.), автор, составляя краткие характеристики всех народов Европы, представил единый образ шведов и датчан как небогатых северных народов, живущих добычей руды и рыболовством.

Возможными точками, положившими начало более плотного контакта шведской и польской культур, могло стать появление общей границы двух государств по итогам Ливонской войны (мирные договоры с Русским государством от 1582 и 1583 гг.) и восшествие на польский трон Сигизмунда Вазы, наследника шведского престола (1587 г.). Целостный стереотип о шведах как о противниках Речи Посполитой в польскоязычных источниках начал формироваться в 1620-1630-е гг. на фоне войн за территорию Прибалтики, однако был куда менее популярен в шляхетском и народном творчестве, нежели образы других «врагов»: московитов и турок.

Ситуация резко поменялась с началом войны между Швецией и Речью Посполитой (1655-1660 гг.), в польской историографии и культуре также получившей название «Шведского Потопа». За несколько месяцев 1655 г., шведские войска овладели почти всей территорией польской «Короны», что вместе с продолжавшейся неудачной войной Речи Посполитой с Русским государством поставило под вопрос возможность существования польско-литовского государства. В подобных условиях образ шведа как ключевого врага Польши вышел на первый план.

Основными источниками, отражающими представления поляков о шведах и Швеции во второй половине XVII в., являются шляхетские диариуши, ретроспективно описывавшие участие их авторов в многочисленных военно-политических конфликтах 1650-1670-х гг. Подобные мемуары не предназначались для публикации, потому обладали высокой степенью авторской вольности относительно материала: последние не стеснялись в выражениях, и подробно описывали малоприятные эпизоды войн. Как правило, такие источники принадлежали перу выходцев из мелкой и средней шляхты, лично участвовавшей в сражениях: Яна Хризостома Пасека, Яна Флориана Дробыша Тушинского, товарища панцирной хоругви «Лося». На их фоне несколько выделяются дневниковые записи епископа Яна Стефана Выджги, несколько отстраненно описывавшие общий ход военных действий.

Процесс закрепления устойчивого образа шведа происходил постепенно, прямо коррелировал с ходом военных действий. Во время начала военных действий и почти до самого появления сил Карла X в окрестностях Варшавы, шведы не воспринимались поляками как серьезные противники. И напротив, действия оккупационных войск после первого взятия Варшавы (а впоследствии — и осады Ченстоховского монастыря) стали эпизодом, легитимизирующим шведское «бесчестие» в глазах поляков.

Шведу в зеркале польского восприятия присущи вероломство, жестокость, коварство, что тем самым резко отличало войну со Швецией от идущей параллельно «честной» кампании против Русского государства на востоке страны. Даже основными причинами начала войны Швеции против Речи Посполитой называлась бедность жителей северной страны, зависть к польской плодородной земле и польским богатствам. Более того, «шведское бесчестие» не могло произойти в мирное время; успехи польской кампании Карла X были обусловлены тем, что его двор воспользовался временной слабостью Речи Посполитой, участвовавшей в еще одном крупном военном конфликте.

Особенный акцент в источниках XVII в. имеет религиозный оттенок стереотипа о «вероломном шведе»: в вину ему ставились попираания веры, разграбление католических святынь и безбожие. В этом польские авторы опирались на донесения о разорении шведскими войсками и наемниками шляхетских и монастырских земель. Зачастую причиной побед над противником объявлялось прямое вмешательство Бога или Девы Марии, не которые не могли вытерпеть продолжение еретичества на польской земле. Ответная же жестокость поляков к захватчикам рассматривалась как справедливое и богоугодное воздаяние за учиненные разрушения.

Во время боевых действий 1650-1670-х гг. образ «еретика-шведа», таким образом, постепенно трансформировался в своеобразный антипод традиционного образа шляхтича-сармата. Врагу вменялось полное отсутствие каких-либо ценностей и религиозного чувства, приводящего к возможности любых святотатств и бесчинств, коварство и корыстолюбие, вызванное завистью «бедного» народа к полякам. Образ шведа — грабящего святыни, разоряющего как крестьянские дома, так и королевские покои в Варшаве — представлял собой красноречивый образ отрицания шляхетских ценностей, обычаев и традиций, укорененных в отношении к земле и своим предкам.

Подобный стереотип о шведе, во второй половине XVII в. на некоторое время даже поколебавший «первенство» отрицательного образа москвиты и турка, стал нарицательным и даже отразился на польской фразеологии. Уже в XVIII в., даже когда серьезно ослабленное Шведское королевство уже более не могло представлять прямой угрозы Речи Посполитой, язык польских диалогов второй половины XVIII в. был полон большим количеством выражений, отсылающим к событиям «Потопа»: даже само по себе сравнение «как швед» (*jako Szwed*) обозначало вероломство, бесцеремонность, равнодушие к установившимся нормам и обычаям.

Источники и литература

- 1) Jan z Kijan. *Fraszki Sowizrzala nowego krotko zebrane, prędko wydane*. 1614. Łaskiewicz M. *Co za jedni ci Szwedziska? – stereotypowe widzenie Szweda w polszczyźnie potocznej i w polskiej kulturze ludowej* // Adeptus, 2013.
- 2) Majewska G. *Szwecja. Kraj - ludzie - rządy w polskiej opinii II połowy XVIII wieku*, Gdańsk, 2004.
- 3) Niedźwiedz J. *Polska i szwedzka epika propagandowa w pierwszej połowie XVII wieku* // Napis. Seria XII. DiG, 2006.
- 4) *Pamiętnik Jana Floriana Drobysza Tuszyńskiego* // *Dwa pamiętniki z XVII wieku*. Wrocław; Kraków, 1954.
- 5) *Pamiętniki Losia, towarzysza chorągwi pancерnej Władysława margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667, z rękopismu współczesnego, dochowanego w zamku podhoreckim*, wydane. Kraków, 1858.
- 6) Pasek J.C. *Pamiętniki*. Kraków, 1929.

- 7) Rej M. Zwierciadło, albo kształt w którym każdy stan snadnie się może swym sprawom jako we zwierciadle przypatrzeć. Wilno, 1606.
- 8) Wenger J. Warszawa w latach potopa szwedzkiego 1655-1657. Wrocław, 1957.
- 9) Jan Stefan Wydźga i jego pamiętnik spisany pod czas wojny szwedzkiej od roku 1655 do 1660. Warszawa, 1852.